

Проклятая маска норовила сползти с носа, приходилось то и дело ее поправлять. Нелепые завязки путались в волосах — медицинских масок на резинках нынче не достать. Пришлось купить самопальные — сложенную в несколько слоев марлю с притороченными веревочками.

Возле дома старой княгини маска совсем развязалась. Тонечка плюхнула на траву пакеты, размяла затекшие пальцы в синих резиновых перчатках и стала копать в волосах, пытаясь выудить из кудрей хлипкие завязки.

— Зараза!..

— Теть Тонь, вы чего?

— Ничего, — пропыхтела Тонечка. — Маска свалилась, чтоб ее!..

Парень на велосипеде смотрел на нее малость свысока — ему понаехавшие москвичи в масках, перчатках и очках казались идиотами. У него самого маска была завязана на щетинистой шее — на тот случай, если менты или какие-нибудь рьяные дружинники прицепятся. А спортивные перчатки с полупальцами всегда при нем, сойдет!

И требования все выполнены! Маска — вот она, перчатки на месте.

— Может, подмогнуть, теть Тонь?

— Да я пришла почти.

Она бы и согласилась, чтоб «подмогнул», но ее донельзя раздражало обращение «тетя Тоня» из уст великовозрастного парня, у которого в плечах косая сажень и борода как у дьякона!.. Он работал водителем при больнице и подраба-

тывал извозом. Пару раз Тонечка ездила с ним в Тверь купить то, чего было не достать в Дождеве, — свежую клинскую колбасу, креветки, всякие излишества.

Тонечка зацепила маску за ухо и махнула парню:

— Езжай, Коль, спасибо!

Парень, нажав на педали, рванул с места, покатил и поднял велик на дыбы — как пить дать фасонил перед «тетей Тоней»!

Тонечка вздохнула.

Жизнь изменилась в одночасье, и привыкнуть к этой новой было сложно.

Принимаясь за пакеты, она кинула взгляд на дом старой княгини и замерла.

Старуха стояла возле окна — шторы она никогда не задергивала — и неотрывно смотрела на Тонечку.

— Добрый вечер, — пробормотала столичная сценаристка испуганно. Разумеется, неподвижная старуха за окном не могла ее слышать, и Тонечка решила на всякий случай поклониться.

Она произвела некое неловкое движение туловищем и даже попыталась шаркнуть ногой.

Старуха не шелохнулась.

Тонечка собрала ручки многочисленных пакетов и потащила дальше.

Следующий за старухиным участок пустовал, как видно, хозяева не смогли вырваться из зачумленной Москвы, а уж там и Тонечкин дом.

Она попой толкнула калитку, взволокла поклажу на высокое крыльцо, выхватила из кармана брызгалку, щедро обработала перчатки и ручки пакетов и наконец-то стянула маску.

...Вот как к ней привыкнуть, к этой новой реальности?!

Она почти разгрузила пакеты, когда со второго этажа скатился Родион, за ним припрыгало собакообразное насекомое с раскидистыми ушами и улыбкой на черной с подпалинами морде.

— Я же тебе сказал, что сам в магаз схожу! — с ходу начал атаку мальчишка. — Раз сказал, значит, сделал бы!..

— Чем ужинать будем?

— Мне папа велел, чтоб я за тобой смотрел! А как за тобой смотреть, если ты не слушаешься?!

— Ночь скоро, — миролюбиво заметила Тонечка. — А есть хочется уже сейчас. Смотри, на выбор макаронны с сыром, гречка с котлетами, у меня фарш остался. Могу картошки с грибами нажарить, я замороженных опят купила.

— А что быстрее?

Тонечка усмехнулась. По всему видно, есть хотелось не ей одной.

— Все быстро! Я ловкая, ты же знаешь.

Родион посмотрел на мачеху.

Она правда была ловкой и... веселой. После детского дома, в котором он прожил, считай, десять лет, ему очень нравилось, что с родителями, с отцом и мачехой, всегда весело. Не то чтоб они то и дело представляли сценки или рассказывали анекдоты, но как-то так себя вели, что с ними было интересно и не страшно, что вот-вот поругаются и все кончится!..

Родион выбрал котлеты с макаронами, а Тонечка возрадила, что раз котлеты, значит, с гречкой, и принялась за дело.

— А вкусного купила?

Вкусным считались ванильные сухари, обсыпанные сахаром, маковые сушки, мармелад — чем резиновой, тем лучше, — овсяное печенье, соломка и всякое такое.

Тонечка заверила, что купила, но до ужина ничего не даст, чтоб не перебил аппетит.

— Тоня, я же не маленький! — возмутился Родион. — Мне семнадцать будет!

— Даже когда тебе стукнет пятьдесят восемь, ты должен помнить, что набивать живот сладким вредно.

Она сама сейчас с удовольствием вместо гречки съела бы пирожное «Картошка» — две штуки — и запила тремя стаканами чаю, но никак нельзя. Во-первых, дурной при-

мер для Родиона. Во-вторых, в магазин «Рублевочка» пирожных «Картошка» не завозят.

...Надо же было так назвать продуктовую лавку в центре города Дождев Тверской губернии! Прямо какой-то литератор называл, стилист!.. Тут тебе и намек на шикарную жизнь — Рублевка, не что-нибудь! — и на дешевизну — рублик, всего ничего! И звучит ласково.

Родион подхватил с пола собакообразное существо, которое выписывало вокруг них кренделя и вензеля, поцеловал в морду, немного смутился и пристроил свою худосочную задницу на столешницу, почти что в миску с фаршем.

— Куда ты сел, слезай сейчас же!..

— А старую княгиню зовут Лидия Ивановна, — сообщил Родион. — Она раньше в Москве жила, а теперь здесь, в Дождеве.

— Откуда ты знаешь?

— Сама сказала! Она сегодня опять на ручей ходила.

По невесть когда установленному неписаному закону жители всех трех домов вдоль ручья выходили к воде через Тонечкин участок. На берег вела узорная чугунная калиточка, обычно закрытая на проволочный крючок. В заборах в самом дальнем конце участков тоже были калитки, вообще ни на что не закрытые, а всегда настежь распахнутые. Старая княгиня являлась дважды в день, Тонечка видела ее из окна. Она проходила вдалеке, не глядя по сторонам, некоторое время возилась с крючком, выходила к ручью и усаживалась на скамейку под березами. Сидеть там она могла сколько угодно, иногда час, а когда потеплело, то и дольше!

Родион то и дело бегал рисовать ручей, березы, траву, калитку, скамейку — он вообще или ел, или спал, или рисовал, засадить его за уроки не было никакой возможности, особенно сейчас, когда всех разогнали на удаленку.

— Она спросила, что я рисую, и я ей показал, она сказала — хорошо, — продолжал Родион. — И про Буську спросила, что за порода. Я сказал, что пражский крысарик, а она сказала, что Прага вообще загадочный город.

— Загадочный? — переспросила Тонечка машинально.

Она пыталась порезать огурец, но дело не двигалось — только она отрезала кружок, как Родион выхватывал его и съедал, смачно хрупя. Она бросила резать и сунула оставшиеся пол-огурца мальчишке. Родион помычал благодарственно.

— Тонь, а папа приедет?

— Кто его знает.

— И ты не знаешь?!

— У него же люди работают. То есть сейчас как раз не работают, вся работа остановлена. Ему нужно придумать, чем платить, где денег добыть. Пока не придумает, не приедет.

— А он придумает? — с тревогой спросил Родион.

Ему требовалось, чтоб Тонечка его успокоила. Как жить, если ни она, ни даже отец не знают, что дальше?..

— Придумает, — сказала Тонечка, все поняв. — Он очень умный. Садись, котлета готова. Ты собаку кормил?

Родион возмутился:

— Ты же знаешь, собаку я кормлю всегда в шесть часов!

...Это правда. Безалаберный мальчишка вполне мог проспать школу, завтрак, репетитора, онлайн-урок, но накормить свою собаку никогда не забывал.

— Еще она спросила, чей я, а я сказал, что Германов, — продолжал Родион, сгорбившись над котлетой. Он хватал куски, обжигался, выплевывал и дул на них.

— Веди себя прилично, — велела Тонечка. — Какой-то странный вопрос, чей! Ты же не собака!

— Ну-у, она так спросила: мальчик, ты чей? Я и сказал. Еще я хотел ей показать, как я ее нарисовал, но у меня альбомы в доме, завтра покажу.

— Ты ее тоже рисовал?

Родион покивал:

— Она такая красивая! И одета странно.

Тонечка все никак не могла привыкнуть, что ему нравится не то, что другим! Ему нравились покосившиеся за-

боры, букашки, лужа, припорошенная цветочной пылью, воробей, склевавший дождевого червяка, провалившиеся мостки у ручья. Вот старуха понравилась тоже...

Тонечка постоянно чувствовала тревогу. Ей казалось, что она должна... защищать и оберегать мальчишку. От всего. Человек, которому нравятся воробьи, собаки и старухи, сам себя защитить и уберечь не сможет...

Она подложила ему еще котлету, и он заглянул в сковородку, осталось или нет.

Оставалось три штуки, вот красота!

— А что к чаю?

— Вареная свекла с медом.

— Что, правда? — У Родиона вытянулось лицо.

Тонечка вздохнула.

— Лимонные дольки, халва, сушки и две разные шоколадки.

— С орехами?

— Одна с орехами.

Это было совсем другое дело, и Родион великодушно предложил поставить самовар.

Иногда они так развлекались по вечерам — пили чай из самовара. С ним приходилось довольно долго возиться, иногда он напрочь не желал растапливаться, капризничал, но к сегодняшнему пиру самовар был просто необходим, и Тонечка согласилась.

Она помыла посуду, прислушиваясь к тому, как мальчишка тюкает перед крыльцом топориком, пытаясь наколоть щепок, взглянула в окно, отвела глаза и посмотрела еще раз.

На соседний участок, который пустовал с самого начала карантина, вползал черный «Мерседес», ворота были распахнуты. Выходит, хозяева все же приехали.

Должно быть, хорошо, что приехали. С тех пор как всех разогнали по квартирам и дачам — на самоизоляцию! — Тонечка почти не видела людей, и к этому привыкнуть было даже труднее, чем к перчаткам и маске. С другой стороны, непонятно, вдруг они привезли из Москвы эту

самую заразу, а общительный Родион то и дело забывал и про маску, и про перчатки. Здесь, среди тверских лесов и болот, никакой «особый режим» не объявляли, но Тонечка все равно беспокоилась — мало ли...

Она накинула на плечи облезлую жилетку из странно-го меха, именуемую в семье «позорный волк», и вышла на крыльцо. Родион прилаживал к самовару трубу, отворачивался от дыма, закрывался локтем, собака бегала вокруг, то и дело от восторга припадая на передние лапы.

...Как хорошо, подумала Тонечка, что она догадалась взять Родиону собаку!.. Они как-то сразу оказались вдвоем, вместе, парой! Вместе привыкали к московскому быту, вместе прилаживались к семье, вместе осознавали, что теперь есть и отец, и мать-мачеха, и брат, и сестра, и дед-генерал, и бабушка Марина!..

После детского дома в Угличе такие перемены давались нелегко, но вместе, вдвоем всегда проще и лучше!

Над дальним концом участка, над ручьем, висела низкая снеговая туча — даром что май на пороге! Нынче все смешалось, не стало ни зимы, ни весны, сплошное безвременье. Солнце из-за края тучи подсвечивало едва зазеленевшие березы, и свет был тревожный, беспокойный.

Родион наконец приладил трубу, из нее сразу повалил густой белый дым и хорошо запахло разогретой смолой.

Мальчишка игогокнул, понесся по лужайке, крошечная собака, как на стрекозиных крыльях, полетела за ним.

— Смотри, какое солнце! — прокричал Родион издаleка. — Дай мне альбом, я нарисую быстро.

— Не дам, — отозвалась Тонечка с крыльца. — Ты проспишь самовар, и мы чаю не попьем!

...Хорошо, что участок есть! В московской квартире на этом самом карантине все бы с ума сошли.

Впрочем, бóльшая часть детей осталась как раз в квартире — Настя и Даня уехать не смогли. Старый дом никакими новинками современной техники оборудован не был, интернет еле шевелился. Тонечке, чтобы Родион хоть

как-то учился на удаленке, приходилось мудрить, раздавать сигнал с телефона, метаться по комнатам, выискивая угол, где стабильный прием. Настя училась в театральном и с первого же дня карантина просиживала за компьютером днями и ночами — особенно занятно было наблюдать уроки по сценическому движению, когда Настя перед компьютером выделывала немислимые па, а педагог из монитора оценивал, насколько удачно у нее получается. Даня бесконечно бубнил на суахили, писал и сдавал контрольные и курсовые — он в университете осваивал «басурманский язык», как формулировал его отец и по совместительству муж Тонечкиной матери Марины Тимофеевны.

Тонечка улыбнулась.

...Вообще в семейном древе Германов — Морозовых — Липницких легко заблудиться и пропасть!

Кто бы мог подумать еще два года назад!

Жили-были три девицы — бабушка Марина, дочка Тонечка и внучка Настя. Жили-поживали, добра никакого особенно не наживали, им это и в голову не приходило. В одночасье все изменилось. На их терем-теремок в Немчиновке надвинулись странные и невероятные события, и, главное, откуда-то появилась целая куча разных мужчин!.. Бабушка Марина вышла замуж за генерала Липницкого, который прибыл в ее жизнь вместе с сыном Даней. На Тонечке женился знаменитый продюсер Александр Герман, а потом нашелся его сын Родион, и в кроне семейного древа все ветви окончательно и бесповоротно запутались!..¹

Даня как-то сразу стал братом Насте, хотя его сестрой должна была считаться Тонечка, Родион через неделю после воссоединения с семьей стал называть Марину бабушкой, а генерала — дедом, хотя ни один, ни второй вообще не были ему родственниками!.. Детдомовского мальчишку благополучные и сытые московские дети старательно опекали, но... не слишком им интересовались. Они были от души за-

¹ Об этом читайте в романах «Серьга Артемиды» и «Пояс Ориона».

няты собой, своим образом жизни, друзьями, учеббой. Александр Герман к появлению сына, о котором он шестнадцать лет ничего не знал, относился словно с изумлением.

Этот новый сын учился из рук вон плохо, в московской школе почти не тянул, зато постоянно рисовал — его комната как-то моментально превратилась в свалку из альбомов, тюбиков и банок с красками, карандашей, разрозненных листов александрийской бумаги, обрывков, клочков, яблочных огрызков, конфетных бумажек, невымытых кружек и мятой одежды. Вещи мальчишку вообще не интересовали.

Зато интересовала еда. Он безостановочно ел и, кажется, только худел — щеки у него совсем ввалились, еще длиннее стали тонкие, как щепки, руки, вытянулась и без того гусиная шея.

Самым главным его другом была собака Буся, и сразу следом за ней — Тонечка.

— Родька, смотри за самоваром! — крикнула Тонечка в сторону лужайки, по которой наперегонки носились мальчик и собака.

И посмотрела на соседний участок.

Машина стояла на плиточном пятачке перед домом, над крыльцом горела лампочка, свет ее терялся и таял в вечернем солнечном сиянии.

...Интересно, кто же это приехал?..

Дом в Дождеве принадлежал давно покойным родителям ее мужа, Тонечка раньше никогда здесь не жила и соседей не знала. Величественную старуху, обитавшую через дом, они с Родионом называли старой княгиней, так ее окрестила Тонечка, а когда мальчишка спросил почему, приволокла ему первый том «Войны и мира». Родион моментально заскучал, стал оглядываться по сторонам и предложил помыть посуду. Тонечка два вечера убила на пересказ эпопеи своими словами, и только потом догадалась включить ему английский сериал.

В английском сериале всех главных героев играли молодые артисты, и Родион постепенно втянулся, но смотрел

«Войну и мир» как неандерталец или англичанин — никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, кто на ком женится и не разорится ли Пьер.

Состояние финансов Пьера казалось Родиону гораздо важнее, чем его масонские искания!..

После того как убили Петю Ростова, Родион наотрез отказался смотреть дальше, и Тонечке пришлось брать его измором, убеждая, что после все пойдет как нельзя лучше, и обещать в обмен на просмотр пирога с мясом.

Насилу одолели.

Оказывается, старую княгиню зовут Лидия Ивановна — вполне подходящее имя.

Тонечка зашла в дом, поставила на круглый стол чашки и «вкусное», о котором мечтал Родион, и позвонила мужу.

— Я занят, — сообщил телефон мужниным голосом, едва прекратились гудки. — Я на работе.

— Бог в помощь, — отозвалась Тонечка.

Родион втащил плюющийся кипятком самовар, водрузил его на подставку и спросил, как там папа.

Тонечка проинформировала, что папа на работе. Занят.

— А мы когда в Москву поедем?

— Когда карантин снимут.

— А когда карантин снимут?

— Как только болеть перестанут.

— А когда перестанут?

— Садись, — сказала Тонечка. — Тебе чай с мятой или так?

Они долго пили чай и смотрели дурацкое кино под названием «Бруклин». Родион его обожал, а Тонечка терпеть не могла, но считала нужным подлаживаться, чтоб мальчишка не чувствовал себя в одиночестве.

Разошлись поздно, и Тонечка долго еще не спала, все думала, как жить, когда кругом карантин, муж бесконечно занят и сердит, родители в группе риска, а дети брошены на произвол судьбы. И все из-за какого-то проклятого вируса!

Кто бы мог подумать еще три месяца назад! Кто мог предположить, что закроются магазины, кафе, химчистки, парикмахерские, а кое-где и дороги, что «скорые» будут часами стоять в очередях, чтобы сдать заболевших в приемный покой, а патрули на улицах станут спрашивать пропуска и выписывать штрафы вышедшим без разрешения!..

— Вирус, — вслух сказала Тонечка, устав думать, — ты подложил нам колоссальную свинью!..

Заснула она под утро, и снилось ей нехорошее.

Алгебру-онлайн они, ясное дело, проспали, а математичка была не только бестолковой, но и вредной. Она уже не раз грозилась, что не аттестует Родиона, если тот не «подтянет предмет», а тут еще и проспали!..

Тонечка растолкала мальчишку только к третьему уроку, усадила перед ноутбуком, велела не качаться на стуле, не чесаться, не рисовать, а слушать, налила ему кружку горячего чая и едва успела выскочить из кадра, когда урок начался. Третьим уроком была информатика, ее вел импозантный молодой учитель, а Тонечка с утра даже причесаться не успела!..

Дав себе слово каждый день ставить будильник на семь тридцать, как в Москве, — и без всяких поблажек! — она стала соображать, что бы такого приготовить на завтрак. Или уже ничего не готовить, а дожидаться обеда, когда у Родиона кончится вся эта онлайн-канитель?..

В обучение на удаленке Тонечка не верила ни секунды. Еще с того момента, когда все только началось. Должно быть, где-то есть дети, рвущиеся к знаниям, как Михайло Васильевич Ломоносов, готовые ради учения на все, твердо осознающие, что ученье — свет, а неученье — тьма, но ее собственный ребенок к таким не имел никакого отношения. Он и в школе-то учился едва-едва, а уж дома совсем перестал, и не было никакой возможности заставить его слушать, записывать, вникать!.. Он сидел перед компьютером, из которого учителя толковали о квадратных корнях